

и понятий. Читателя заинтересовывают не псевдозанимательностью, а доступностью изложения тех или иных тем и вопросов на высоком научном уровне. Большинство очерков и их частей: «главок», параграфов, даже абзацев очень информативны за счет умелого отбора материала, подбора наиболее характерных, значительных фактов и примеров.

Конечно, не все тома и не все очерки в одном томе равноценны; этого и трудно требовать от такого огромного издания, где в авторский коллектив входят сотни специалистов. Как представляется, из «зарубежных» наиболее удачны тома, посвященные Северной Европе, Юго-Западной Азии, Юго-Восточной Азии, Австралии, Океании, Антарктиде. Не всегда удачен иллюстративный материал (например, в «африканских» томах).

Однако отдельные мелкие недочеты и упущения, практически неизбежные в столь огромном труде, нисколько не могут умалить его значение.

Советский читатель получил созданную на высоком научном уровне полную географо-этнографическую характеристику мира, энциклопедию о странах и народах. Содержащие не только описание, но и глубокий анализ и интересные размышления по поводу многих самых значительных и актуальных проблем современности, 20 томов этой серии — издание, культурная, политическая, воспитательная миссии которого поистине очень значительны. Оно служит — и будет еще долго служить — не только удовлетворению растущей потребности советских людей в знаниях о странах и народах современного мира, но и делу развития разнообразных контактов на всех уровнях, воспитания глубокого уважения к вкладу всех народов в мировую культуру, укрепления дружбы и сотрудничества между народами — а значит, и делу укрепления мира — делу, важнее которого нет сегодня у всех народов Земли, в каких бы странах, на каких бы континентах они ни жили.

И. Р. Григулевич, С. Я. Козлов

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

М. А. Некрасова. Народное искусство как часть культуры. М.: Изобразительное искусство, 1983. 342 с.

Пожалуй, ни одна другая область творческой деятельности людей не вызывает столько споров и вопросов, как народное искусство. Десятилетиями продолжают дискуссии о самом существе явления, его содержании, формах развития, особенностях современной жизни и дальнейших судьбах. Такая дискуссионность, на наш взгляд, коренится в глубине и широте самого народного искусства как феномена, позволяющего рассматривать его с самых разных позиций и выдвигать на первый план то одни, то другие его стороны. Появление книги М. А. Некрасовой и влечет за тем автореферата докторской диссертации¹ именно сегодня, когда интерес к народному искусству обусловлен не только проблемами его собственной внутренней жизни, но и все возрастающей ролью его в жизни современного общества в целом, весьма знаменательно. Не случайна и «глобальная» проблематика исследования Некрасовой, избравшей самый общий аспект теоретических проблем народного искусства. Закономерно, что с первых же страниц автор вводит народное искусство в систему «Человек—Природа—Культура», рассматривая его в тесной связи с актуальными сегодня проблемами экологии природы, экологии культуры, исторической памяти (с. 19).

Литература о народном искусстве нередко субъективна, часто лишена необходимой аргументации, а подчас подлинного профессионализма. Разброду мнений и точек зрения М. А. Некрасова противопоставляет логически стройную, обоснованную научную концепцию. Ее книга — первая попытка изложить теорию народного искусства на основе всестороннего изучения его как явления культуры, как самостоятельного и особого типа художественного творчества. Книга является итогом многолетнего изучения автором искусства разных народов нашей страны. Она вобрала в себя теоретический опыт ученых-предшественников не только в области искусствознания, но и в смежных сферах народного творчества и общих исторических дисциплин. Теоретическая сложность поднятых М. А. Некрасовой вопросов требует тщательного и вдумчивого прочтения книги.

Разделяя все основные положения книги М. А. Некрасовой, мы не считаем необходимым пересказывать ее содержание, а лишь сделаем акценты на самом главном и существенном.

¹ Некрасова М. А. Народное искусство как часть культуры. Теория и практика: Автореф. дис. на соискание уч. ст. д-ра искусствоведения. М.: Академия художеств СССР, 1985.

Автор выявляет и анализирует как «общее», так и «особенное» в народном искусстве. «Общее» М. А. Некрасова справедливо видит прежде всего в особых взаимосвязях человека с природой, в извечных и издревле сложившихся общечеловеческих ценностях, несущих коренные идеи народного понимания мира, природы, по-своему выражающихся у каждого народа (с. 22). Как целостное явление она рассматривает всякую национальную культуру в двух ее составных частях — народной и профессионально-художественной. Каждая из них живет по своим специфическим законам, но они находятся в постоянном взаимодействии.

М. А. Некрасова совершенно правильно оценивает роль народного искусства в культуре современного села, его связь с социально-экономическими проблемами деревни, с формированием морально-правственных общечеловеческих ценностей.

Естественно, что большая часть книги посвящена выявлению специфики народного искусства, его коренных отличий от других явлений художественного творчества, и прежде всего от профессионального, но не народного искусства. Некрасова выделяет важнейшие их особенности, обусловленные разницей типов и методов творчества (с. 62—65, 72), и в последующих главах подробно анализирует специфические черты и структурные особенности народного искусства как самостоятельной художественной системы. Внутри этой системы как историко-культурного типа автор отмечает наличие многих подсистем — региональных, локальных, национальных, социальных, что определяет сложную жизнь и богатство взаимодействий народного искусства (с. 55).

Как на важнейшее структурное свойство народного искусства, как на ключевую проблему его эстетики Некрасова указывает на его коллективность. Из нее вытекает особая роль и значение традиций и их преемственности для народного искусства, что существенно для современных народных художественных промыслов. В сохранении и развитии традиций неопределима роль местных школ народного мастерства, а в них, в свою очередь, роль канона, регулирующего выражение новизны характерными средствами местного искусства. Автор верно отмечает особое понимание новизны и современности в народном искусстве, их органичности соответствующей школе народного мастерства и недопустимость подмены чужеродными новшествами (с. 287—313).

Некрасова выделяет при этом основные формы бытования современного народного искусства в разных районах и краях нашей страны (с. 81—96), а также отмечает присущее всем им единство в общей творческой структуре развития, ориентированного на канонические системы, на традицию.

Еще в статье Г. К. Вагнера² была дана исчерпывающая критика неправомерного отождествления народного искусства с самодеятельным, ошибочной точки зрения о якобы исторической смене первого вторым. Заметим, что фольклористика «справилась» с проблемой разграничения народного искусства и самодеятельности еще 30 лет назад. Злободневность этой проблемы для изобразительного народного искусства лишь подчеркивает молодость науки о нем и несовершенство теории. Употребление слова «народный», «фольклорный» и «самодеятельный» как синонимов — это не просто терминологическая путаница, а отсутствие четких научно обоснованных позиций в понимании совершенно разных типов творчества, что влечет за собой отрицательные последствия для практической жизни современного народного искусства. М. А. Некрасова пишет об этом убедительно и обоснованно.

В свете проблемы «народное и самодеятельное» она верно отметила принципиальную разницу между «примитивом» как методом самодеятельного творчества и народным искусством, основанном на канонах, а следовательно обладающим своим профессионализмом (с. 98—101).

Вполне естественно, что в таком емком исследовании, как рецензируемая книга, одни проблемы разработаны автором полнее, другие лишь намечены, третьи представляются дискуссионными.

На наш взгляд, М. А. Некрасова слишком категорична, объявляя устаревшими позиции таких крупных исследователей народного искусства, как В. С. Воронов и А. Б. Салтыков. Правильно объясняя историческую обусловленность методов их анализа явлений народного искусства (с. 157, 162—166), автор все же недооценивает актуальность их трудов, ставших классикой советского искусствоведения. Ни Воронов, ни Салтыков не лишали народное искусство содержательности и духовности, не отождествляли его с профессиональным декоративно-прикладным и индивидуальным творчеством художников. Они анализировали отдельные черты народного искусства, присущие ему и поныне, но не исчерпывающие всех его особенностей. Содержательность и духовность народного искусства не умаляются «ремесленностью» его природой (в высоком понимании смысла этого слова) и «прикладным» характером, хотя они, разумеется, не равны ни профессиональному прикладному искусству, ни материальной культуре. Но в ряде случаев М. А. Некрасова как будто противоречит себе, говоря об утилитарности и предметности народного искусства и о необходимости изменения экономического положения современных народных промыслов.

Современному народному искусству, по мнению М. А. Некрасовой, присущи пять функций. Нам представляется, что проблема функций народного искусства все-таки еще нуждается в специальном исследовании, ибо они менялись и развивались исторически, а указанная автором коммуникативная функция (с. 212) вряд ли может считаться самостоятельной, так как она осуществляется при посредстве всех других.

² Вагнер Г. К. О соотношении народного и самодеятельного искусства. — В кн.: Проблемы народного искусства. М., 1982, с. 46—55.

Анализ специфики народного искусства на уровне самых общих теоретических проблем не исключает возможности изучения его на других уровнях — и как народного ремесла (в том числе особенности его техники и технологии), и как явления экономической жизни или повседневного быта. Культурологический аспект исследования народного искусства не исчерпывает также и других, собственно искусствоведческих проблем, которые затронуты в достаточно общей форме или остались за пределами проблематики рецензируемой книги (например, особенности воплощения художественного образа в народном искусстве, вариативность как одна из его закономерностей и др.). Однако М. А. Некрасова, разумеется, была вправе взять лишь общетеоретический аспект народного искусства, оставив другим исследователям те структурные качества, которые находятся на иных «этажах» системы народного искусства. Остается выразить надежду, что подобного рода работы появятся.

В заключение необходимо особо остановиться на актуальности рецензируемого труда для практики развития современного народного искусства. Нужно отдать должное принципиальности М. А. Некрасовой, в течение многих лет последовательно отстаивающей необходимость подлинно научного руководства народными художественными промыслами. Некрасова справедливо критикует неправомерное «офабричивание», нивелировку уникальных местных художественных традиций, погоню за план-валом в ущерб подлинному творчеству, тенденции растворения современного народного искусства в сувенирном производстве и самодеятельности. В этих негативных сторонах жизни современного народного искусства, особенно в РСФСР, видится его недооценка именно как части современной советской культуры. Книга М. А. Некрасовой показывает назревшую необходимость создания собственной системы организации экономики современных народных художественных промыслов, улучшения условий для всестороннего и полного развития всех форм народного искусства в современной культуре.

И. Я. Богуславская

С. Ю. Неклюдов. Героический эпос монгольских народов. Устные и литературные традиции. М.: Наука, 1984. 310 с.

Монография С. Ю. Неклюдова является итогом многолетних исследований автора, посвященных героико-эпическим традициям различных монгольских народов: халхасцев, ойратов, бурят, калмыков, джарутов, хорчинов, ордосцев, чахаров, монголов и др.¹ Эта тема весьма актуальна в наше время, когда особое внимание уделяется народной культуре монголов, проблеме самобытности ее генезиса и развития. В этом круге вопросов одно из первых мест принадлежит монгольскому героическому эпосу — выдающемуся образцу не только традиционной словесности монголов, но и эпического творчества народов мира. Следует отметить, что эпическое наследие монголоязычных народов представляет собой удачный материал для стадийно-типологического анализа повествовательного фольклора и некоторых теоретических изысканий в этой области. Причина этого, во-первых, в большой этнической и культурной общности монгольских народов, живущих по соседству друг с другом в одном географическом регионе (исключая калмыков, миграция которых к берегам Волги произошла относительно недавно — в XVII в.), во-вторых, в том, что монгольская культура не испытала сильного чужеродного влияния и адаптация ею инокультурных явлений была не слишком интенсивной. В этих условиях некоторая неравномерность развития неизбежно породила ряд близких культурных формаций, отличающихся друг от друга в основном стадийно. Такая картина наблюдается и в фольклоре: здесь, как это показано в рецензируемой монографии (см. с. 78—86), может быть выделено несколько эпических пластов — от весьма архаических западнобурятских улигеров до циклизированного калмыцкого эпоса о Джангаре или общемонгольской эпопеи о Гесере в ее устных и книжных формах.

За последние годы изучение эпоса монгольских народов чрезвычайно интенсифицировалось. Переиздаются старые, ставшие уже «классическими» записи калмыцкого

¹ Из работ С. Ю. Неклюдова, посвященных монгольскому эпосу и предшествовавших рецензируемой монографии, можно назвать следующие: Черты общности и своеобразия в центральноазиатском эпосе. — Народы Азии и Африки, 1972, № 3, с. 96—105; Исторические взаимосвязи тюрко-монгольских фольклорных традиций и проблема восточных влияний в европейском эпосе. — В сб.: Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. М., 1974, с. 192—274; О стилистической организации монгольской Гесериады. — В кн.: Памятники книжного эпоса. Стиль и типологические особенности. М., 1978, с. 49—67; Эпос монгольских народов и проблема фольклорных взаимосвязей. — В сб.: Литературные связи Монголии. М., 1981, с. 84—100; Новые материалы по монгольскому эпосу и проблема развития народных повествовательных традиций. — Сов. этнография, 1981, № 4, с. 119—129; Монгольские сказания о Гесере. Новые записи. М., 1982 (книга подготовлена совместно с монгольским филологом Ж. Тумурценом).